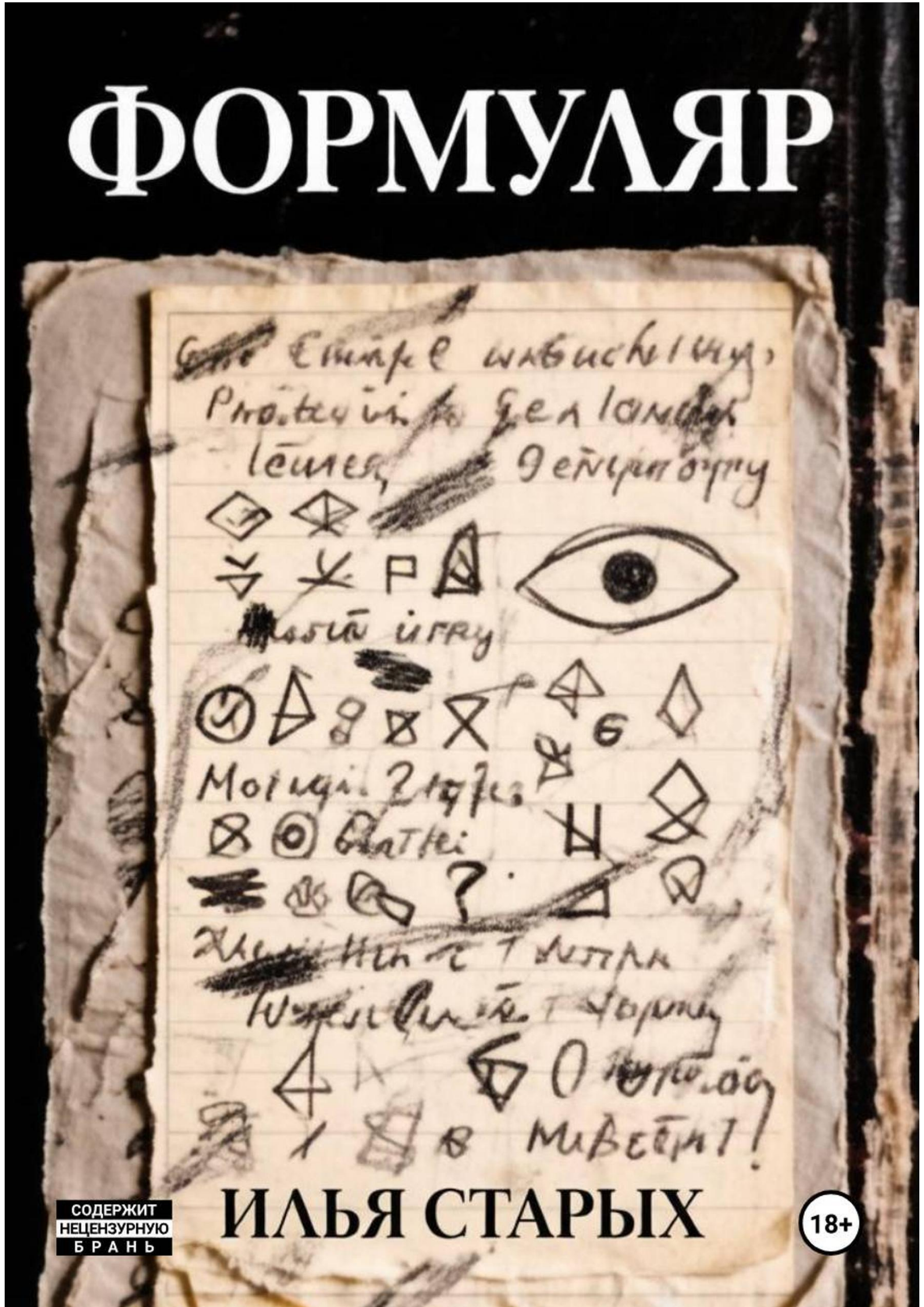
ФОРМУЛЯР



ИЛЬЯ СТАРЫХ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Илья Старых

Формуляр

«Автор»
2026

Старых И.

Формуляр / И. Старых — «Автор», 2026

Дима — уставший архивариус из провинциального Серафимска, чья жизнь состоит из пыльных бумаг, похмелья и ощущения полнейшей безнадёги. Однажды в архиве появляются коробки из закрытого медколледжа, где среди старых учебников он находит испорченный учетный формуляр, покрытый вязью неизвестных символов. Попытка восстановить скрытую под символами информацию запускает череду таинственных и жутких событий, ведущих в те запретные закоулки реальности, где человеку совсем не место.

© Старых И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 17
Глава 8 19
Глава 9 21
Глава 10 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Илья Старых
Формуляр

Глава 1

Из беспокойного сна меня выдернул солнечный свет. Он проделал путь в тысячи километров через пустоту космоса и атмосферу лишь для того, чтобы попасть мне в глаз и напомнить, что я всё ещё живой. Козлина...

Пытаясь игнорировать колотящую боль в висках, я поднялся и нетвёрдой походкой направился к туалету, где меня дважды вывернуло наизнанку. Чтобы я ещё хоть раз позволил алкоголю попасть в мой организм... Да никогда в жизни... Ещё и жужжание это. Голова и так готова разорваться, а тут ещё эта вибрирующая хреновина. Вибрирующая хреновина?

Внезапная мысль заставила меня подскочить на месте и рвануть обратно в комнату. Мимоходом глянув на настенные часы, я выматерился и начал искать глазами штаны. Штаны нашлись скомканными под батареей. Сейчас меня мало интересовали обстоятельства того, как они туда попали, ведь всё внимание было приковано к непрерывно вибрирующему телефону в кармане.

Ну конечно же, Жанна Семеновна. Начальство. Сдерживая очередной приступ тошноты, я принял звонок.

— Где тебя носит, оглоед поганый?! — взревела трубка. — Дмитрий,сейчас же тащи свою жопу в архив, иначе я тебя...

— Да, да, я уже бегу, — настолько бодро, насколько это возможно, ответил я и бросился одеваться.

Это же надо... Столько лет работы в архиве, ни одного опоздания, ни одного прогула — и вот, пожалуйста.

Впопыхах одевшись,умывшись и напоследок ещё раз обняв унитаз, я вылетел на улицу. Первой мыслью было бежать до работы что есть мочи, но, вовремя осознав, что эта идея обречена на провал, я вновь достал злополучный телефон и заказал такси. Ожидание двадцать минут. Приедет некий Бобиджон с рейтингом 2,5. Чудесно. Просто великолепно. Но что еще остается?

Я уселся на лавку и закурил. Поганая привычка: отнимает деньги и здоровье, но зато, вот же парадокс, даёт тебе уважительную причину для пятиминутного перерыва практически на любой работе. Даже Жаба Семеновна позволяет в течение дня прерваться на перекур несколько раз. При воспоминании о начальнице меня передёрнуло. Надо бы хоть как-то вернуть себя в работоспособное состояние, иначе хана.

Я встал и направился в ближайший сетевой магазин, коих в городе за последние пару лет насыпало, что грибов после дождя. Минералка, пара пачек дешёвых сухариков и кефир. Кассир, понимающе глянув на меня, достала из-под кассы и положила к покупкам пачку активированного угля. Святая женщина.

Расплатившись, я вышел и, немедля ни секунды, припал к бутылке с живительной влагой. Жить захотелось снова, но не полностью. Как же можно было так нажраться, я не понимал до сих пор. Да и был бы хотя бы повод, так и его же особо не было. Открытие очередного клуба-однодневки, который вскоре закроется. Ходить в такие заведения некому: молодёжь из нашей глуши уезжает сразу же, как только получает школьный аттестат, а взрослым в клубы ходить особой надобности нет. Но я же пошёл... И ведь даже не помню, как домой добрался, а что было до этого — только обрывки воспоминаний. Свет,шум, шот,шот,шот,лимончик,шот,шот....Ещё

и денег просадил, небось, половину месячного бюджета,даже смотреть сейчас не буду... Ну дурак, одним словом.

Такси прибыло, когда я уже высыпал себе в рот последние крошки от сухариков. Вспомнились школьные годы, когда я, будучи малолетним щеглом, сидел здесь же на лестнице у магазина с друзьями и занимался буквально тем же самым. Отмахнувшись от внезапной ностальгии, я двинулся к видавшей лучшие времена иномарке и, усевшись, сразу же открыл окно, дабы не смущать водителя своим амбре. Тот, не поворачиваясь, включил кондиционер и, не говоря ни слова, тронулся с места.

Ехать ещё полчаса. Хоть город и небольшой, но жилые районы разбросаны на большом расстоянии, и с чем это связано, никто до сих пор сказать точно не может. А я даже предполагать не хочу. Сейчас мне бы не лишиться работы и дожить до вечера, а там вернуться в кровать и забыться... Вот ведь сука,как я мог забыть! Ведь сегодня в архив должны были привезти кучу всего из закрывшегося недавно медицинского колледжа, а работы там не на день и даже не на неделю. Я похлопал себя по карманам. Ну конечно, очков не было. Работа с мелким шрифтом при плохом освещеним на протяжении многих лет не могла не сказаться на моем зрении,и теперь я просто не представлял, как буду работать. Так, секунду... Есть ведь вероятность, что они на работе? Есть, конечно. Только на это и остаётся уповать. А ночевать, наверное, придётся уже на работе — учитывая обстоятельства, Жаба организует мне такой лютый дедлайн, что я месяц сна не увижу.

Я обречённо уставился в окно. Мимо мелькали пятиэтажные хрущёвки с пунктами выдачи заказов и разливайками от местного пивзавода на первых этажах, сменяясь убогими детскими площадками и ларьками. Время в Серафимске будто застыло на стыке 90-х и нулевых. Школьники всё так же пьют и едят химозу, сидя на лавочках, пинают палую осеннюю листву и хают учителей. Но теперь вместо «денди» и «виндоуса 98» у них смартфоны, а родителям не особо нужно ломать голову над тем, где взять деньги на ужин для своих чад. Взрослые ,ровно как и дети,залипают гаджеты и верят всему,что им говорят с экранов, но уже не Кашпировский или Мавроди , а сотни блоггеров и коучей. Прогресс, хоть и выборочно, дошёл и до нашей глуши,меняя фасад,а не каркас.

И что же я, такой умный, тут забыл? Да, собственно, как и большинство, я при первой возможности свалил в областной центр и поступил в колледж на казавшуюся мне тогда очень крутой специальность «документационное обеспечение управления и архивоведение». Все шли в менеджеры и юристы, а я в архивариусы. Тогда это звучало очень и очень круто, а по факту... Работы по этой специальности в большом городе было попросту не найти, и я, поджав хвост, вернулся сюда,в родной Серафимск, где и был принят в ряды доблестных служителей местного городского архива, застряв тут на добрых девять лет.

При последней мысли меня передёрнуло. Девять лет. У кого-то дети уже в школу ходят, а у меня за душой квартира от почивших родителей, вечная усталость и бесконечный запас жалости к себе. Ну и бутылка Джека Дэниелса в шкафу на кухне.

Подъезжая к двухэтажному зданию архива, я уже издали увидел в окне грузный силуэт Жабы. Ну всё. Настало время расплаты. Жесткой и бескомпромиссной.Я вылез из остановившейся машины, разгладил брюки и,собрав все свое мужество ,от которого остались лишь пару капелек на донышке,в кулак, отправился принимать заслуженное наказание.

Глава 2

Час спустя я, униженный и неоднократно оскорблённый, выполз из кабинета Жанны Семеновны. Разговор был, конечно же, максимально неприятный, и свелся к тому, что я — неблагодарный, безответственный и бесполезный. Но работу я должен выполнить до конца недели,наче увольнение и тяжкие телесные мне обеспечены. Вот же собака какая: если это так срочно, какого хрена она целый час меня отчитывала?

Я спустился в подвал архива, где и было моё рабочее место, окинул взглядом фронт работ и внутренне взвыл. Хаотично сваленные коробки с документами, стопки учебников, какие-то плакаты, больше похожие на древнеегипетские свитки, чем на учебные пособия — всё это даже не поместилось в мой «кабинет» и было благополучно сложено на лестнице.

Я сел на ступеньки, обхватив всё ещё гудящую голову. Ну что ж, сам виноват, чего теперь сокрушаться...

Собравшись с силами, я принялся за работу. Сверить всё по документам, внести в базу инвентаризационные номера, часть из этого оцифровать, подготовить к хранению... Ничего нового, я справлюсь.

Пробравшись к своему столу и открыв шкаф, я обнаружил, что очков нет и там. Я подавил секундную панику и начал рыскать по всем местам, где они могли бы быть.

Нету. Вообще нигде. Тогда где же ? Всё-таки дома? Может, и дома. А может, и вовсе потерял их ещё вчера. Да и хер с ними... так справлюсь.

Приёмка прошла быстро, благо всё уже было рассортировано и сгруппировано по коробкам кем-то, кому я от всей души пожал бы руку. Ну серьёзно. Порой бумаги сваливают кучей прямо во дворе, и тогда ты целый день только и делаешь, что перетаскиваешь их внутрь и сам пытаешься разложить хоть в какой-то системе. Тут же благодать. Хоть что-то хорошее за весь день. Даже отсутствие очков особо не помешало.

А вот с номерами всё шло туго. Они были написаны по большей части от руки , до ужаса корявым почерком, и смазывались для меня в загадочную абракадабру. Поразмыслив своим уже практически полностью исцелившимся мозгом, я нашёл идеальный, как мне показалось, выход из ситуации.

Достав телефон, я запустил браузер со встроенной нейросетью. Одно фото — и искусственный интеллект воспроизвел мне смазанный и перечёркнутый номер. Вот же до чего техника дошла! Эх,мне бы в молодости такое, я бы, может... А что бы, может? Да не изменилось бы ничего.

Работа спорилась. Фото — расшифровка. Фото — расшифровка. И вот,взяв в руки очередной формуляр из очередного учебника, я навёл на него камеру. В этот раз нейросеть думала очень долго. Кружок загрузки напоминал уробороса, пожирающего свой хвост: тоже бесконечный и важный. Я несколько раз отменял загрузку и запускал её заново, результата не было. Взяв в руки формуляр, я поднёс его вплотную к лицу, затем максимально отдалил на вытянутой руке. Затем максимально сощурился. Повтори. Нет, не разглядеть. Мазня какая-то.

Я решил запустить обработку изображения в последний раз и выйти на перекур. Ну не получится, так не получится. Составлю акт о повреждении, и пусть там наверху уже сами решают.

Я вышел на улицу, закурил и глянул на часы. Почти десять вечера. Заработался. Сделав затяжку, я уже в тысячный раз окинул взглядом окрестности. Сентябрьская ночь была тихой и прохладной. Издалека эхом донёсся шум железной дороги. Где-то завыла сирена — то ли скорой помощи, то ли пожарной машины. А в соседнем дворе кто-то разбил об асфальт бутылку. И вновь наступила тишина. Ночной город жил своей жизнью, но не той, что кипит в больших

городах, а спокойной, неторопливой: ворочался, кряхтел и иногда причитал о чём-то своём. Серафимск я любил, хоть и понимал, что жизнь в нём если не угасает, то и не движется вперёд так, как могла бы. Всё так же вяло и без особой охоты.

Я вынырнул из рефлексии и обнаружил, что сигарета уже прогорела и погасла. Тьфу ты,мыслитель херов.

Запустив окурок в кучу жухлой листвы, я двинулся обратно в своё подземелье. Телефон светился системным уведомлением от нейросети: «Ваш запрос выполнен, поделитесь своим мнением о работе...» Не дочитав уведомление, я взял телефон в руки. Ого, какой горячий! Как бы батарею ему не убить такими фортелями.

Я сел за стол, подтянул к себе бумаги и нажал воспроизведение. Мои уши, голову и всё тело вдруг пронзил сонм звуков. Ультразвуковой писк, поверх которого наложен звук допотопного модема, горловое монгольское пение, куча кричащих и шепчущих голосов, белый телевизионный шум и чёрт знает что ещё — наполняли голову, которая в тот момент походила на глиняный сосуд, готовый вот-вот треснуть . Казалось, я кричал, но не слышал свой голос. Не слышал абсолютно ничего, кроме этого ужасного фарша из всех звуков мира. Я упал на колени, пытаясь заткнуть уши и отползти подальше, но с каждым движением силы покидали меня, пол уходил из-под ног, а утренняя тошнота начала казаться детской игрой. Меня бросило в пот и вновь, уже который раз за день, вывернуло наизнанку, на губах остался вкус желчи и крови. В глазах потемнело, и я провалился в беспамятство.

Глава 3

Лютейшая боль в голове, тошнота и запах горелого пластика вперемешку с кислятиной — это было первое, что я ощутил, придя в себя.Я лежал на полу в своём подвале; вокруг — всё те же коробки и опрокинутый старый стул.

Попытавшись встать, я оперся рукой об пол и попал во что-то мокрое и скользкое.— Да ёбаный рот, — просипел я, понимая, во что именно я влез.Отерев руку о штаны, я, матерясь и кряхтя, встал и поплёлся к столу,с трудом поднял стул и обессиленно рухнул на него. Старая древесина опасно захрустела, но мне было абсолютно всё равно. Я откинулся на спинку, запрокинул голову и тяжко, обречённо вздохнул.

А что за запах? Я сел ровно и увидел прямо перед собой свой телефон. Точнее, то, что от него осталось. Корпус деформирован, крышка лежит на полу, по экрану пошла сетка трещин, а вокруг всего этого — пятачок обугленной столешницы и пятна копоти. Не надо быть специалистом, чтобы понять, что телефону хана. Да как же так-то!

Я в отчаянии уронил голову на ладони, но тут же отдёрнул, ощутив, как руки коснулись чего-то очень болезненного на лбу: там, ровно в центре, я нащупал небольшую плотную шишку, боль от прикосновения к которой уходила прямиком в мозг.

— Да сколько можно, что это за херня?.. — выругался я, пытаясь аккуратно прощупать лоб.

Вдруг мой взгляд упал на небольшой квадратный клочок бумаги, лежавший неподалёку от останков телефона. Взяв его в руку, я вновь услышал в голове эхо той чудовищной какофонии, что издавал мой телефон и от которой я потерял сознание. Меня передёрнуло, и снова начало мутить. Кстати, как долго я был в отключке? Я глянул на часы. Всего двадцать минут. А будто целую вечность.

Вновь переведя взгляд на бумажку, я узнал формуляр, который пытался расшифровать с помощью телефона, и с удивлением обнаружил, что отчётливо вижу всё, что на нём изображено. Ничего не понимая, я взял другой формуляр. Цифры на нём я тоже разглядел без труда. Чёрт знает что.Спустя ещё пару тестов я пришёл к выводу, что снова стал видеть не хуже, чем до работы здесь. Очки мне больше не нужны. Это, конечно, хорошо, но я бы предпочёл всё-таки снова носить очки, но избавиться от всего этого пиздеца.

Я вновь взял в руки тот формуляр, на котором всё пошло через жопу, и повертел его в руке. Все нужные данные были скрыты под огромным количеством каракуль, непонятных символов и геометрических фигур. В уголке же красовалось схематичное, но очень точное изображение человеческого глаза. Сюр какой-то, честное слово. Я отказывался верить во всё, что происходит. Мозг искал логику, ответы, но не мог нащупать рациональное объяснение.

Внезапно мой лоб пронзила нестерпимая, острая боль. Я схватился за голову но, попав по загадочной шишке рукой, лишь усугубил ситуацию. Я почувствовал, как под кожей что-то начинает шевелиться. Это буквально начало сводить меня с ума.Запинаясь и падая по пути, вопя от боли и ужаса, я побежал к единственному в здании туалету с зеркалом. До сих пор не знаю, как я сохранил рассудок,когда взглянул на себя в отражение. Шишка на лбу росла и набухала, наливаясь кровью. Внутри действительно что-то шевелилось, мечась из стороны в сторону.Я попытался впиться в эту мерзость ногтями и вырвать, но каждое касание отдавалось адской болью, будто в мозг тыкали раскалённой иглой. Я впал в отчаяние и даже не пытался найти другие выходы: я просто водил руками вокруг неизвестного выроста на лбу, издавая нечленораздельные звуки, а глаза застилала пелена слёз, капавших в грязный умывальник.

И вдруг раздался глухой хлопок, как от раздавленной упаковочной плёнки. В зеркало брызнуло красным, и я почувствовал, что в глазах теперь были не только слёзы, но и что-то стекающее в них сверху. Опухоль на лбу вдруг обмякла, а в центре её, словно кто-то про-

вёл острейшей бритвой, был ровный горизонтальный разрез. И всё закончилось. Боль исчезла, сознание, хоть и с трудом, начало возвращаться.На лбу теперь красовались две небольшие горизонтальные сморщенные слипшиеся складки, разделённые аккуратным разрезом, из которого к глазам и ниже вели кровавые дорожки.Я стоял, уперев дрожащие руки в раковину; ноги подкашивались, а тело трясло крупной дрожью. Я боялся поднять голову и увидеть своё отражение. Боялся пошевелиться. Боялся даже вдохнуть.

Мозг напрочь отказывался принимать, что всё это происходило в реальности.Точно! Это всё лишь сон! Я всё ещё сплю после попойки, и вся эта хтонь — плод моего алкогольного бреда! Тогда чего я боюсь? Так, я где-то слышал, что если во сне посмотреть в зеркало, то можно проснуться…Когда я поднял глаза, все фантазии улетучились, и реальность выбила землю у меня из-под ног. В отражении на меня смотрело всё то же измученное лицо, залитое кровью, с уродливыми складками кожи в центре лба.Я отшатнулся и отступил назад, сдерживаясь, чтобы снова не начать вопить. Уперевшись в противоположную стену, я осел на пол.

Так, надо взять себя в руки. Да, всё это ненормально. Да, жутко. Да, мерзко. Но ты живой. Ты уже в своём уме. Ведь в своём? Да-да, в своём. Это, наверное, какая-то опухоль, она должна лечиться…Мишка! Мишка Терентьев! Он же работает в больнице, надо только позвонить ему… Сука, телефона-то нет, а вспомнить номер я и в трезвой памяти бы не смог. И такси не вызвать, даже платить нечем. Ладно, тут недалеко, за пятнадцать минут можно добежать. Если только он сейчас на смене… А если нет? Да плевать! Там должны помочь, это ведь всё-таки больница…

Глава 4

Дорога в больницу слилась для меня в череду тёмных подворотен, заборов и веток, бьющих по лицу и сбивающих капюшон, которым я пытался прикрыть свой новообретённый дефект. Хоть людей вокруг не было ни души, меня не покидало стойкое чувство, что за мной кто-то наблюдает, куда бы я ни шёл. Я шарахался от каждой тени и каждого движения и смог выдохнуть, лишь когда увидел вдали забор больницы с красным крестом на воротах.

Городская больница Серафимска, как и все бюджетные учреждения в городе, не меняла свой внешний вид с самого открытия в 70-х годах. Бюджета едва хватало на выплаты зарплат, а вот реставрация здания и освещение территории урезались почти под ноль. И в моей ситуации это было как нельзя кстати. Скрываясь в тенях, я заглядывал в окна первого этажа, пытаясь высмотреть Мишку. Точнее, Михаила Ивановича, заведующего приёмным отделением.Но приёмник был на удивление пустым. Довольно редкое явление в нашем городе. Всегда есть какой-нибудь забулдыга с пробитой головой, жертва ДТП или мнительная бабуля с внезапными покалываниями в боку. Сегодняшней смене, видимо, повезло, может, даже смогут выспаться.Собрав волю в кулак, я натянул капюшон пониже и двинулся ко входу. Потянув за ручку, я отметил про себя, что двери наконец поменяли на пластиковые взамен советских деревянных. Накопили-таки деньжат...

Сделав пару шагов мимо будки с храпящим охранником и повернув за угол, я чуть не снёс невесть откуда взявшуюся круглую, невысокую санитарку лет шестидесяти на вид. А может, и не санитарку. Хрен их разберёшь, этих медиков

.— Ох, святые угодники! — выдохнула она, схватившись за сердце и выпучив глаза. — Напугалася как... Вы пациент?

Я машинально отступил на шаг назад, наклонил голову и ещё сильнее натянул на лоб капюшон.

— Да... Э... мне бы... Мне бы Михаила Ивановича, — промямлил я.

— Михаила Ивановича? — переспросила она, пытаясь заглянуть под капюшон.— А по какому вопросу?

— Да он... друг мой школьный, — сказал я как можно более беззаботным тоном. — Я по делу.

— А как же, школьный друг, и не знает? — спросила она и заговорщицки, вполголоса, добавила: — В тюрьме же Михаил Иванович, уже два месяца как. За подделку документов же посадили.

Я застыл и уставился на санитарку. Вот этого я никак не ожидал услышать. Мишку жалко, конечно, и при других обстоятельствах я бы стал расспрашивать у неё подробности, коими она, как мне думалось, охотно бы поделилась. Но сейчас меня парализовала безысходность.

— Ох, свят-свят, да ты же в кровяке весь! Свееееткааа, просыпаааайся, готовь каталку... — громко позвала она куда-то через спину, но я уже не слушал.

Во лбу под кожей что-то шевельнулось, кожаные складки разошлись, и я увидел... Даже не знаю, что я увидел. Мир вокруг преобразился. Стены, потолок и пол стали покрыты невообразимым количеством серо-зелёных пушистых островков, из которых ко мне и к санитарке тянулись толстые нити, извивающиеся и пульсирующие. Некоторые, самые длинные, уже медленно опутывали мои ноги и руку, подбираясь к корпусу. Я завопил, начал пятиться назад и затряс руками, пытаясь сбросить эту погань.

— Стой, стой, ты чего, дурной, что ли?! — донеслось до меня. — Светка, готовь укладку, тут наркоман, кажись!

Я повернул голову и увидел ещё более мерзкую картину. Существо с лицом санитарки и в её же одежде, не замечая нитей, тянуло ко мне руки и приговаривало:— Да успокойся ты, окаянный, сейчас доктор придёт, чего торешь то...

Кожа существа была бледной, сквозь неё проступали сосуды, а тело было усыпано шевелящимися бурыми наростами разных размеров, вроде присосавшихся пиявок.

— Пошла вон! Не трожь меня, падла! — завопил я, повалившись на больничный кафельный пол, и начал отползать обратно к выходу.Задним умом я осознал, что псевдо-санитарка двигается и говорит заметно медленнее, как в слоу-мо. Вместе с тем я ощутил, что воздух стал плотным и вязким, не давая мне полноценно двигаться. Будь я в более вменяемом состоянии, без этого мха со щупальцами вокруг и монстра-санитарки, мог бы довольно сильно впечатлиться и задуматься. Но сейчас я снова был на грани. Слишком много дряни приключилось со мной за одну лишь ночь.

Вдруг кто-то сзади попытался подхватить меня под руки, воздух вокруг стал снова привычно-обычным. Недолго думая, я отбрыкнулся, вскочил на ноги и, размахнувшись , не глядя, от всей души саданул этому кому-то кулаком. Почувствовав, что кулак уткнулся во что-то теплое и мягкое, а меня больше никто не держит, я подскочили рванул оттуда со всех ног, параллельно кроя всех вокруг и свою судьбу отборнейшим матом.

Глава 5

Уже сидя на полу своей кухни, я вновь и вновь прикладывался к бутылке виски, которую берег как зеницу ока уже пару лет. Как я здесь оказался? Да кто бы знал. Помнил только, как целую вечность бежал из той проклятой больницы, и вот я уже дома и трясущимися руками открываю бутылку.

Если честно, меня никогда особо не привлекал алкоголь. Я всегда был убежден, что его употребление должно быть подкреплено поводом. Нет, не этими праздниками на каждый день типа "Дня металлического ведра" или "Нового года в Нигерии". Либо действительно серьёзный праздник, либо действительно серьёзное горе. Оттого я и не понимал до сих пор, от чего я так накидался в том злополучном клубе. Но зато отчётливо понимал, почему пью сейчас. Сейчас же у меня была глубочайшая скорбь. Скорбь по своей относительно счастливой, простой и понятной жизни и по своему рассудку.

Я всё так же не понимал абсолютно ничего. Да и не собирался понимать, если честно. Я был вымотан и физически, и морально. И единственным верным выходом казалось просто напиться до смерти, а что дальше — уже не важно.

А с работы меня, скорее всего, уже завтра уволят. Это как пить дать. Стану бомжом. Детишки начнут в меня камни кидать и обзывать уродом, а я буду бегать за ними и махать палкой, матерясь и запинаясь, спать на лавочках в парке, бухать и однажды просто не проснусь. Звучит как план.

М-да, родители бы мной гордились. Интересно, правда ли, что после смерти они наблюдают за нами? Что бы сказал папа? А мама? А сейчас они, интересно, видят, как их сын, заблёванный, окровавленный, с неведомой хренью на лбу сидит и глотает алкоголь на той самой кухне, где они в детстве учили его читать по слогам?

За своим самобичеванием я и не заметил, как провалился в пьяный сон. Удивительно, но в этом сне я не ощущал беспокойства и дискомфорта. Вместо них я увидел картину. Летний день. Парк. Возле оградки в траве лежит велосипед, а возле него мальчишка лет восьми. Слёзы льются ручьём, левая рука вся в ссадинах, а с одежды свисают травинки. Рядом на корточках сидит отец , что-то говорит и достает у паренька ветку из волос. Я прислушался.

— Сына, ну я же говорил, едь вдоль забора, а не в него. — Я перепу-у-утааал... — вдруг ещё сильнее зарыдал мальчик.

— А чего ты ревёшь? Тебе настолько больно? — спросил отец.

Мальчик отрицательно покачал головой.

— А что тогда?

— Я никогда не научусь кататься на велосипееееде... — вконец сорвавшись, зарыдал сын.

— Так, успокойся и послушай, — отец взял сына за плечи и коротко встряхнул. — Ты можешь рыдать сколько хочешь, но это не поможет тебе. Если не хочешь кататься, то мы отдадим велосипед Ивановым, у них денег нет, а сын хочет кататься. Будет тут рассекать по двору! А ты будешь смотреть и плакать, но уже потому, что сам отказался. Но если сейчас ты скажешь мне, что ты будешь учиться, то соберись, возьми велосипед и пойдём учиться дальше. Пойми вот что. Неважно, сколько раз ты упадёшь, важно, сколько раз ты встанешь и продолжишь пытаться. И никто, кроме тебя, не решит это за тебя. Понимаешь, сынок?

Мальчик, утерев слёзы, закивал, глядя в землю.

— Вот и хорошо, — улыбнулся отец. — Ну всё, Димка, давай, попробуем ещё кружок и домой, мама заждалась.

Картинка плавно перетекла в дом.

Сын с отцом заходят в квартиру. Мать видит ссадины, охает и бежит за йодом.

— Да не переживай так, там две царапины, — успокаивающе говорит отец.

— Мы с тобой позже поговорим, — гневно отвечает мать и обращается к сыну: — Димка, ты как так-то?

— Надо было ехать вдоль, а я поехал поперёк, — скорбно поведал сын,потупя глаза.

— Ах вот оно как. А почему ты так поехал?

— Перепутал, — пожал плечами Дима.

— Вот тебе и урок на будущее, — сказала мама, капая зелёнку на кусочек ваты. — Запоминай свои ошибки, чтобы не совершать их снова. И дважды подумай, прежде чем что-то сделать. Всегда думай головой, и всё будет хорошо.

Она обработала царапины, поцеловала его в лоб, и сон оборвался.

Я открыл глаза. Было уже светло, наверное, середина дня. Повернув голову, я обнаружил, что заснул так и не выпустив бутылку из руки. Осталась ещё половина.

Превозмогая боль во всём теле и тошноту, я поднялся, дошёл до мусорного ведра и швырнул туда остатки пойла.

Глава 6

И вот уже второй раз за сутки я был вынужден вытягивать себя из рядов маргиналов в ряды полноценных членов общества. Первым делом избавился от провонявшей, вонючей одежды, которой, думаю, даже бичи побрезговали бы. Затем заварил так удачно припрятанный до лучших времён красный "Доширак" и до неприличия сладкий чай. Не забыл я и об активированном угле, что хранился в моём кармане ещё со вчера, хоть и было немного поздно его принимать. Неплохо бы ещё огуречного рассола, конечно, но такого богатства у меня в доме не водилось, а жаль.

Закончив трапезу, я откинулся на спинку стула и закурил. Впереди меня ждало своё страшное — душ и зеркало. До сих пор я старался игнорировать все зеркальные поверхности, что попадались мне — просто расфокусировал зрение или закрывал глаза. Но в то же время своим, как мне казалось, более-менее восстановившимся мозгом я понимал, что вечно так продолжаться не может, и рано или поздно мне придётся оценить весь масштаб проблемы. Сжав зубы, я встал и отправился в ванную.

Из зеркала на меня смотрело измождённое лицо с впалыми щеками и огромными синяками под глазами. Волосы спутанные, с сальным блеском. Кое-где всё ещё была засохшая кровь. Ну а на лбу виднелся всё тот же горизонтальный разрез, но уже с менее выраженными складками вокруг. Я бы даже сказал, что они почти разгладились, но все еще сильно выделялись. А может, оно всё вообще рассосётся? Так, секунду. Я ведь отчётливо помню, что там под ними что-то шевелилось. Флэшбэки прошлой ночи накатили внезапно, призывая меня немедленно забиться в угол и рыдать. Не-не, всё, забыл, собрался. Я брызнул в лицо холодной водой. Фух, вроде отпустило.

Приблизившись к зеркалу, я поднёс дрожащие пальцы к складкам и аккуратно раздвинул их. На секунду мне показалось, что на меня снова накатит истерика, но невесть откуда взявшимся усилием воли я подавил этот позыв. Внутри, в самом центре моего лба, покоился самый настоящий человеческий глаз. Карий, как и мой, но блеклый, как у мертвеца.В это было сложно поверить, мягко говоря. Я ощупал его со всех сторон. Да, всё верно, глаз, не показалось. Даже полноценная глазница есть! А складки — это веки,получается... И эта хрень выросла у меня во лбу буквально за ночь!

Усевшись на крышку унитаза, я начал осмысливать своё открытие. Глаз... Во лбу... За ночь... Само собой, это не нормально. И в больнице, думаю, мне бы вряд ли помогли. А то и вообще изучать бы начали, как неведомое чудо и прорыв в медицине. Так, а что за хрень произошла в больнице? Глаз ведь шевелился, а вокруг всё преображалось.... При воспоминании об этом меня всего передёрнуло. Эта санитарка, этот мох со щупальцами. Ах да, ещё и этот эффект замедленной съёмки. Не нужно быть гением, чтобы понять, что это всё я увидел благодаря новому глазу. Это факт. Но почему глаз начал видеть именно в тот момент? И почему сейчас он такой...такой...мертвый,что ли ? Или спит? Просыпается по ночам, чтобы питаться здравым смыслом? Глаз-вампир? Глаз-оборотень? Не, ну это уже совсем не туда меня понесло...

Спустя пару минут размышлений на горшке появилась вполне рабочая, как мне показалось, теория. Я решил, что глаз видит нечто, что находится либо в параллельном мире, либо на некой изнанке нашего мира. Каких-то паразитов или типа того. А почему я так решил? Всё просто. Эту больницу я знал всю свою жизнь, она была не лучше и не хуже всех других, и ни разу там не происходило ничего сверхъестественного. До прошлой ночи, конечно. И за неимением альтернатив я решил сделать эту версию основной. Так и не поняв принцип работы глаза и дабы не расшатывать мою и так расшатанную психику, я решил просто заклеить его пластырем. Просто и эффективно.

Ладно, как бы ни было дико, я принял факт, что у меня теперь три глаза. Хотя нет, не принял. Просто смирился. Теперь нужно понять, как от него избавиться. Он, конечно, может быть и прикольный, но всё-таки прослыть уродом и видеть невесть что всю жизнь не хотелось.Откуда начать? Телефон воспроизвёл каракули с формуляра и взорвался. Скорее всего, источник всего — это формуляр. На нём, как на магнитной ленте, нанесены символы, которые что-то со мной сделали...

Я сел за свой старенький ноутбук и включил браузер. Первой же новостью был сбой в работе нейросети прошлой ночью. Частично сгорел дата-центр из-за скачка мощности. Возникло подозрение, что это всё тоже случилось из-за моих махинаций с формуляром. Ну что ж,если это так, то извините, я своё наказание уже получил, а вы там сами как-нибудь.

Я начал вбивать запросы: "Третий глаз на лбу", "Третий глаз вырос ночью", "Магия для выращивания глаз". Ни один адекватный запрос не шёл мне в голову, а ответы на те, что я вводил, были настолько бесполезными, что вкладки закрывались сразу же после открытия.На медицинских форумах тоже не было того, что мне хотелось бы увидеть. Про параллельные миры же информации было более чем достаточно, но именно свою картину я так и не встретил. На всякие магические форумы я не лез осознанно, хотя,может, и стоило...

Спустя пару часов пролистывания страниц я пришёл к выводу, что мне нужен формуляр. И, возможно, книга, в которой он был. Это пока единственные зацепки. Без них я просто тычу пальцем в небо. А они остались в архиве...Архив, архив, архив. Я бы отдал всё, чтобы туда не возвращаться, ведь помимо всех ужасов, что я пережил за прошлую ночь, там меня ждала злющая как дьявол Жанна Семёновна, встреча с которой может быть пострашнее всех ужасов мира...

Глава 7

— Говоришь, у тебя взорвался телефон и осколком тебе порезало лоб. Ты заляпал кровью всё здание и убежал в больницу. Ну допустим. Тогда где справка? И почему, позволь спросить, от тебя воняет перегаром? И почему весь подвал, прости господи, заблеван?

Жанна Семёновна глядела на меня поверх очков и медленно постукивала ручкой по столу. Я равнодушно пожал плечами и вновь уставился в окно.

— Ты понимаешь, что я тебя попросту уволю сейчас? — начала она повышать голос. — Задним числом! И по статье! Мне вот эти твои выходки вообще не сдались тут! Чуть не сжёг архив! Испортил государственное имущество! Сорвал план! Молись, чтобы я на тебя в суд не подала!

Я слушал её и начинал понимать, что после всего пережитого её потуги не вызывают во мне того страха, что вчера и позавчера. Мелкая, вредная тётка, что упивается крохами власти. Таких хватает везде, и мало кто из них действительно приносит пользу. Настоящие паразиты. Может, глаз ей показать, чтоб успокоилась?

— Вы закончили, Жанна Семёновна? — спросил я неожиданно для самого себя.

— Ах ты ещё и хамишь! — затрясло её от злости. — Всё, пошёл вон! Ты теперь тут не работаешь! Ключ от архива мне на стол! Жди повестки в суд!

— Как скажете, вещи свои только заберу, — ответил я, разворачиваясь к выходу из кабинета.

— Какие вещи?! Ключ сейчас же! Твоих вещей здесь нет и не было! — истерично завопила она.

Я остановился в дверях, мгновение подумал и, развернувшись, не веря, что делаю это, направился к её столу, взял стул, на который никто из работников никогда не отваживался сесть, и умостился перед ней. Привыкшая к безусловному повиновению, Жаба Семёновна подавилась своими воплями и, полным ярости и непонимания глазами, уставилась на меня.

— Вы не имеете права отбирать у меня мою собственность, — с трудом выдавливая из себя слова, проговорил я, — особенно учитывая то, что я знаю.

— Что ты несёшь, паскудёныш? Что ты там знаешь? — сквозь зубы процедила она, кажется, начиная что-то понимать.

— А вспомните-ка позапрошлый год, Жанна Семёновна, — начал выкладывать на стол свой козырь я, — когда ко мне спустили зарплатные табели. По ним моя зарплата побольше, чем я получаю. И компенсацию за отпуск я ни разу не получал, хотя ни разу в него не ходил. А накладные на компьютеры и новую мебель, которых мы здесь в лицо не видели?

Всё было как во сне, казалось, я вот-вот потеряю сознание, уже который раз за сутки, но теперь уже от волнения.

— Ты что же, щенок, шантажировать меня вздумал? — медленно проговорила она, кажется, тоже не особо веря в реальность происходящего.

— Нет-нет, вы что? - с деланным возмущением воскликнул я,- Я просто хотел бы прояснить пару рабочих моментов, связанных с моим увольнением. Ведь если я не смогу всё это узнать у вас, то куда мне идти за разъяснением? В трудовую инспекцию? Или в налоговую? Могу принести документы хоть сейчас, я точно помню, где они, вы там в подвале не сориентируетесь, там чёрт ногу сломит. Только на вас уповаю, Жанна Семёновна. Помогите разобраться.

Что я творю? Будто бес вселился. Может, глаз как-то влияет? Да не похоже. Это ведь все мои мысли. Я действительно находил такие бумаги и даже хотел учинить скандал, но не срослось. Как говорится, то одно, то другое, так и забылось. Да и смелости не хватало, чего уж греха таить.

Жаба зависла, глядя на меня. Лицо покрылось алыми пятнами. Было видно невооружённым глазом: она взвешивает все доводы. Я не сомневался, что помимо обнаруженного мной, у неё припрятано ещё много скелетов в шкафу, и если всё это всплывёт, то суд грозит уже ей, а не мне. И будь у неё в запасе ещё хотя бы денёк, она бы успела подчистить за собой хвосты, но решается всё здесь и сейчас.

— Ладно, вы пока тут подумайте, а я за вещами, — сказал я, вставая, и отправился на своё уже бывшее рабочее место. Как я и ожидал, теперь остановить меня уже никто не пытался.

Глава 8

По лестнице я спускался окрылённый победой. Внутри я ликовал. Это же надо, я урыл саму Жабу! Сказал бы мне об этом кто позавчера, я бы лишь от души посмеялся. А тут вот оно как. Надо признать, сперва я очень сомневался, что мои угрозы возымеют эффект. Начальница, конечно, та ещё тварь, но не глупая, иначе давно бы уже погорела на своих махинациях. Но всё это неважно. У меня появилось время, и это главное. Сейчас разберусь со всей этой хренью и устроюсь куда-нибудь, на крайняк уеду из Серафимска, здесь меня ничего не держит.

При входе в подвал весь мой запал изрядно поугас. И неудивительно, ведь всё вокруг напоминало о прошлой ночи. Вот стул валяется, а вот и кучка пластика,бывшая моим телефоном. А там лужа уже засохшей рвоты и крови. М-да, обстановка, конечно, не радужная.

Вдруг пластырь на лбу заходил ходуном, вызвав у меня волну беспокойства и страха. Я застыл на месте. Спина покрылась потом. Что делать? Подождать, пока успокоится? А если не успокоится? Да и ждать тоже времени нет, кто знает, что там Жабе в голову взбредёт, возьмет и побежит следом за мной, тогда я вообще зря пришел...

Так, подожди-ка... А может, глянуть, так сказать, одним глазком? Я ведь хотел разобраться во всём, а от спящего глаза толку мало. Я ведь до сих пор не знал, как он работает. Но вдруг я опять увижу какую-нибудь дрянь, от которой впаду в истерику?

Секунду подумав, я решился и содрал пластырь. Глаз распахнулся и начал хаотично двигаться из стороны в сторону, а моё поле зрения расширилось. Даже не так. У меня появилось ещё одно поле зрения, которое немного перекрывало моё основное, как будто бельмо. Хм... "Бельмо". А ведь неплохое название для третьего глаза. Ну дожили, я ему уже и имя дал...Что дальше? Домик ему построю?

Я закрыл глаза и обратил всё своё внимание на зрение через "бельмо". Теперь мир вокруг изменился. Краски чуть угасли, свет померк, но всё это не мешало мне разглядеть каждый уголок в подвале, а воздухе плавали какие то хлопья,напоминавшие пепел. Единственное, что реально мешало, так это судорожные движения "бельма". Оно то останавливалось, фокусируясь на одной точке пространства, то безостановочно прыгало из стороны в сторону. Это бесило. Но фаза фокусировки глаза была дольше, чем фаза прыжков, поэтому возможность что-то рассмотреть всё-таки была.

Воздух тоже вновь сгустился, движения тела стали тяжёлыми, но глазу это никак не мешало. И это давало больше проблем, чем пользы. Сперва я пытался поворачивать голову вслед за ним, но, поняв, что это гиблое дело, решил просто переключать внимание, обратив взор прямо перед собой.

В целом картина, которую я успел разглядеть, меня даже чуть расстроила. Никаких монстров, плотоядных щупалец-нитей, просто несколько серых островков вокруг моего стола и на нём. Выглядело не то чтобы опасно, а даже как будто бы мило: оказывается, здесь у меня всё это время были питомцы.

Поддавшись приступу умиления, сменившему страх, я, преодолевая сопротивление воздуха, шагнул к ближайшему островку и протянул руку. Лишайник потянулся ко мне в ответ и внезапно выпустил в мою сторону несколько тонких белёсых нитей. Я отпрянул. Точнее, попытался отпрянуть, насколько позволял кисельное пространство. А ведь они быстрые, намного быстрее меня. Будь я чуть ближе, они бы непременно меня достали.

Глаз неожиданно повернулся к столу и в очередной раз замер,уставившись на то самое место, где было обгорелое пятно. Там я заметил интересную деталь: помимо стола выгорели и попавшие в радиус взрыва лишайники. Не полностью, но ощутимо. Запомним этот момент.

Глаз ещё какое-то время покрутился, не дав мне больше никакой полезной информации, и закрылся. Вот и всё, сеанс окончен. Не будь из-за него столько проблем, было бы очень интересно... Я прилепил пластырь обратно.

Взяв со стола злополучный формуляр и засунув его в карман, я задумался. Что ещё может помочь мне? Возможно, книга, где он был. Её я засунул в дипломат, оставленный мной здесь кучу лет назад,когда я ее был юнцом.Тогда ходить с дипломатом казалось мне очень крутым. Что ещё? Папка с описью? Нет, слишком большая, незаметно не вынести. Что ещё?

Мои раздумья прервал топот шагов на лестнице. Я быстро сгреб первые попавшиеся под руку листы описей со стопки на столе и закинул их в дипломат. На пороге появилась красная и запыхавшаяся Жанна Семёновна.

— Ну что, кровопийца, собрался? — сбивая дыхание, спросила она.

— Да, уже собирался подниматься к вам. Ключ в замке, можете забрать там.

— Значит так, крысёныш. Деньги тебе перевели, подавись ими! Говори, где документы, и вали отсюда! И не попадайся мне на глаза, слышишь! — сказала она, начав с шёпота и постепенно переходя на визг.

— С превеликим удовольствием. 17-й стеллаж. Место 5-а, — сказал я, протискиваясь мимо неё на лестницу, и, поднявшись на пару ступеней, добавил: — Ну, скорее всего.

— Скорее всего? Скорее всего?! Сукин ты...

Что связывало меня и "суку" я так и не узнал. Запыхавшаяся начальница при всем желании уже не могла меня догнать ,а единственное ,что она могла -это грязно и очень изобретательно ругаться мне вслед.

Глава 9

Вернувшись домой, я первым делом уселся за ноутбук и проверил баланс на карте. Деньги действительно пришли. Отправитель: Шубина Ж. С. Значит, я всё-таки попал в цель со своим блефом. Жаба лично отправила мне деньги, минуя бухгалтерию и прочие инстанции. Знатно я её припугнул, конечно. Хотя, могла бы отправить и больше, конечно... Ну да ладно. С учётом того, что средств на существование у меня не было вообще, даже эти деньги сейчас мне очень помогут. Пару месяцев я смогу жить, особо не ограничивая себя. А если ограничивать — то и месяца четыре. А ведь ещё и телефон купить надо...

Решив отметить свою победу, я заказал пиццу. Я заслужил. А пока что можно немного подытожить. Итак, глаз, или же "бельмо", работает, но странно: пока что без системы и не контролируется. Придётся его так же прятать под пластырем или как-то ещё, чтобы не шокировать окружающих и себя.. Сам глаз видит что-то вроде изнанки или другого слоя реальности и ускоряет восприятие. В этой самой изнанке обитают... Эм... Какие-то штуки. Пусть будут "лишайники". Они реагируют на людей и тянутся к ним. Для систематизации, конечно, рано, но если исходить из имеющихся данных, можно предположить, что их численность тоже зависит от людей. В моём подвале их мало, там ведь обитал только я. В больнице же они были повсюду, видимо из-за большого количества людей. Там лишайники были больше, с длинными щупами. Наверное, они как-то взаимодействуют с нами. Может, питаются? Это да, многое бы объяснило. Помимо прочего, они, скорее всего,восприимчивы к огню или высоким температурам, но это еще стоило проверить. К слову о больнице. Что было с санитаркой? Прозрачная кожа — наверное, очередной сюрприз "бельма", что-то типа рентгена, но другой природы и механизма. А вот щупальца... Это уже непонятно. Может, в этой изнанке мы все так выглядим? Кто бы знал... Эх, мог бы я контролировать глаз, можно было бы всё это изучить, записать...

Так, стоп. Куда это меня понесло? Я ведь собираюсь от него избавиться. А то смотри-ка: имя дал, систематизировать собрался, дурак, что ли?

Я встал и отправился в ванную. Умылся, аккуратно, чтобы не задеть "бельмо", и посмотрел на себя в зеркало. Веки у третьего глаза уже были неотличимы по фактуре от моей кожи, он даже особо не выпирал изо лба, будто утопленный внутрь. Я даже подумал, что если не знать, что он там, и нахмурить лоб, то можно и не прятать его. Тьфу ты, блин. Акстись, Димас!

Звонок в дверь отвлёк меня, и я таки решил проверить свою теорию. Но курьер вручил мне коробку, даже не взглянув мне в лицо. Надо же. Может быть, вообще никто и вовсе не заметит моего уродства? Все так зациклены на своих делах, что даже дракона в небе не заметят, не то что веки посреди лба.

Ладно, теперь нужно понять, куда двигаться за разгадкой. Жуя на ходу кусок горячего теста с колбасой, называемого у нас в Серафимске "пиццей", я принялся выгребать из дипломата свою добычу. Выложив на стол книгу, пачку листов и, добавив к этому формуляр, я задумался. С чего начать? Взяв формуляр в руку, я осмотрел его. Кроме поганых символов на нём не было ничего, за что можно было зацепиться. Отложив его в сторону, я взял книгу. Учебник по физиологии, старый, советский. Полистал его, но ничего интересного, кроме очков и фаллосов, пририсованных к портретам учёных, найти так и не смог. Ну хорошо. Бумаги. Твою ж... Это ведь описи! Если я взял нужные, то могу найти того, кто всё это отправил!

Я начал судорожно листать распечатки. Список, список, список... Да! Вот он, титульник! Так, архивный фонд, организация, ликвидационная комиссия, председатель — заведующий библиотекой медколледжа Шпак Б. П.

Я шумно выдохнул, взял ещё один кусок пиццы и закурил. Шпак, значит. Ну ладно, уже что-то. Может ли этот Шпак быть автором этих рисунков на формуляре? Почему бы нет?

Доступ к книгам и документам у него был. Он даже вполне мог и писюны в учебнике нарисовать. И кто ему что сделал бы за это?

Я снова сел за ноутбук и вбил в поиске: "Шпак Б. П. медколледж Серафимск". Первая же ссылка — на "Одноклассники". Ого, в какие дебри меня занесло... Перейдя по ссылке, я увидел фото. Несколько женщин и один мужчина, все в возрасте. Подпись к фото гласила: "Поздравляем с 30-летним юбилеем родной медколледж города Серафимска от коллектива библиотеки".

Так, и кто из них Шпак? А, здесь же есть отметки. Я вновь перешёл по ссылке. Шпак Борис Петрович. Был в сети пару часов назад. Живёт всё ещё в Серафимске. На странице фото котов, цветов и внуков, а то и правнуков. И на кой такому человеку писать заклинания ,или что это такое, и рассовывать их по книгам? Что ж, будем узнавать. Я открыл диалоговое окно и начал писать сообщение.

Глава 10

Дверь мне открыл маленький сгорбленный старичок в огромных очках. Нет, не так. В гигантских очках, линзы которых ещё и увеличивали его глаза, от чего он походил на муравья. Очень старого муравья.

— Проходите, проходите, молодой человек, — пригласил он меня в квартиру. — Напомните, по какому вопросу вы прибыли?

— Здравствуйте, Борис Петрович. Я из городского архива, меня зовут Дмитрий. Нам прислали материалы из закрытого пару лет назад медколледжа, и там есть моменты, которые хотелось бы обсудить с вами лично. Вы ведь были в ликвидационной комиссии и можете прояснить некоторые детали.

— Да-да-да, верно. Вы писали мне об этом. Вы уж простите старика, запамятовал совсем, — он развернулся и бодро зашаркал вглубь квартиры. — Пойдёмте, изложите мне суть. Простите мне мое любопытство, а что это у вас на лбу?

Вот же глазастый... Хотя, не удивительно, в таких- то очках.

—Несчастный случай на работе, не переживайте, Борис Петрович.

— Хе-хе, а в мое время говорили "упал"— прокряхтел на ходу старик.

Подстроившись под скорость деда, я пошёл следом, попутно осматриваясь. Квартирка чистая: на полах ковры, на стенах картины и фотографии, где-то тикают часы. Затхлость, какая часто бывает в старческих квартирах, отсутствовала. Видимо ,дедуля очень следил за чистотой. Так и хотелось упасть на диван и просто слушать это мерное тиканье часов, попивая чаёк и закусывая баранками. Ну идеальная пенсия,что сказать. Если ,конечно, ты не пишешь инопланетные формулы и не рассовываешь их по книжкам...

— Чаю? — спросил Борис Петрович.

— Нет, спасибо, я ненадолго, — ответил я, отмахиваясь от своих мыслей. Да и кто знает, что у него на уме, если он всё же причастен.

— Ну и зря. С ромашкой. Вы присаживайтесь, присаживайтесь, — указал он на стул за кухонным столом и с кряхтением уселся сам. — Так что там у вас за дело?

— Видите ли, Борис Петрович, в одном из учебников я наткнулся на странный формуляр, данные из которого нужно внести в картотеку, но он оказался... Как бы это сказать... Порченым, — медленно проговорил я, следя за его реакцией.

— И чем я мог бы вам помочь? — спросил дед, прихлёбывая чай.

— Я хотел бы, чтобы вы на него взглянули, — начиная волноваться, ответил я и полез в дипломат.

— Не знаю, право, чего вы от меня ждёте. Я в этих вопросах не особо компетентен, я ведь был заведующим, и в мои обязанности входило...

Он осёкся, когда я положил на стол бумажку, испещрённую символами.

— Откуда... Откуда это, говорите? — отодвигая чашку, дрожащим голосом спросил Шпак.

— Из учебника по физиологии.

Дед сцепил руки в замок, уткнулся в них носом и замер, неотрывно глядя на формуляр. Повисла давящая тишина.

— Вы знаете, что это? — чуть подождав, задал я мучивший меня вопрос.

— Да, мне это знакомо. Но я не хочу об этом говорить. Заберите это и уходите, молодой человек. Немедленно.

— Нет-нет, послушайте, Борис Петрович! Мне нужно знать. От этого зависит моя жизнь, понимаете? Это... Это не просто рабочий момент, если я не узнаю, откуда это, то я попросту

пропаду! — сбивчиво заговорил я, понимая, что теряю единственную нить, ведущую к разгадке.

— Ответьте мне честно, молодой человек, вы это сами сделали? — вдруг спросил Шпак.

— Нет, почему вы так думаете? Я архивариус, я принимаю и каталогизирую то, что присылают. А это... это сломало мне всю жизнь буквально за один день! Мне важно знать! И вы единственный человек, кто может дать мне шанс, — выпалил я.

Весь мой боевой настрой враз выветрился, и теперь я был готов ползать у него в ногах, лишь бы получить хоть что-то.

Шпак опять замолчал. Снова повисла тишина. Он вдруг встал и вышел из кухни. Я не мог поверить, что всё закончится так. Ладно, если мольбы не помогут, может, выбить из него информацию? Я,хоть и не спортсмен,но с дедом справлюсь...Эй,опомнись! Кого ты бить собрался? Ты в кого превращаешься? Найдёшь другую ниточку. Эта нашлась за десять минут, другую найдёшь за пятнадцать. Чем раньше начнёшь, тем раньше найдёшь.

Я, глубоко вдохнув и успокоившись, убрал формуляр обратно в портфель и уже приготовился уходить, как вдруг в кухню, шаркая, вернулся дед. В руках он нёс огромный старый, ещё советских времён, фотоальбом в кожаном переплёте, который водрузил на стол. Отодвинув чашку, он открыл его и принялся листать. Раскрыв альбом на нужной странице, он повернул его ко мне.

— Я ведь не всегда был заведующим библиотекой, молодой человек. Меня назначили только в 94-м году. Внепланово. До меня эту почётную должность занимал Купоросов Геннадий Геннадьевич, — он ткнул пальцем в старое желтоватое фото молодого красивого мужчины в костюме, стоящего на фоне библиотечных полок и широко улыбающегося. — Он был для всех нас примером. Пунктуальный, дисциплинированный, начитанный , справедливый. Но за год до своего ухода что-то произошло ,он стал меняться.

— Меняться? — тупо повторил я, заворожённо глядя на фото.

— Да, молодой человек. Не перебивайте, пожалуйста, а то передумаю. Итак. Всё началось с систематических опозданий и неопрятного внешнего вида. Выговоров ему первое время не делали, нет, репутация играла ему на руку. Но вскоре это переросло в систематические прогулы. А затем — в членовредительство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.